

Вера и естественнонаучное знание

4 сентября 2012 г.

Воробьев Владимир, протоиерей, Щелкачев Александр. иерей

Вниманию читателей портала «Богослов.Ru» предлагается совместный доклад ректора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерея Владимира Воробьева и профессора ПСТГУ священника Александра Щелкачева, прочитанный на юбилейной конференции «Целостное мировоззрение ученого-христианина: вызовы современной эпохи и пути их преодоления: к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова (1711–1765)».

Не должно унижать ученость, как рассуждают об этом некоторые, а напротив, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые придерживаясь такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве.

Святитель Григорий Богослов (Надгробное слово)

Природа и вера суть две сестры родные, и никогда не могут прийти в распрю между собою. Создатель дал роду человеческому две книги: в одной показал свое величество, в другой свою волю. Первая книга – видимый сей мир. В этой книге сложения видимого мира физики, математики, астрономы и прочие изъяснители Божественных в натуру влияющих действий суть то же, что в книге Священного Писания пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет Божественную волю вымерять циркулем. Также не здраво рассудителен и учитель богословия, если он думает, что по псалтыри можно научиться астрономии или химии.

М.В. Ломоносов

Современному миру необходим серьезный диалог между учеными и богословами, который должен быть инициирован с искренним желанием понять друг друга и обрести истину. Польза такого диалога очевидна: пусть громко и явственно прозвучит свидетельство о том, что Церковь не является гонительницей науки и не желает унижить науку или умалить ее значение, но, напротив, высоко ценит ее достижения, восхищается богоподобным человеческим гением, проникающим в тайны Вселенной. С другой стороны, пусть мир услышит, что секулярная наука нуждается в ценностных ориентирах, которые она быстро теряет в последнее время, разрывая связь со своими историческими, религиозными и метафизическими корнями. История показала, что научный прогресс таит в себе невероятную мощь и способен изменить жизнь всего земного шара, сделать во многом другими человеческую жизнь и самого человека. В Церкви, которая лучше многих иных общественных институтов оценивает влияние науки и образования в современном мире, нужно стремиться безотлагательно развивать сотрудничество с учеными и тружениками интеллектуальных профессий в общем служении добру и правде. Деятельно поддерживая все доброе в отечественной науке, чрезвычайно важно своевременно предупреждать об опасности тех направлений в развитии научных исследований, которые грозят губительными для человечества последствиями.

I. Ответственность науки

Чем больше мы узнаем о мире, тем очевиднее становится безграничность непознанного, а мир все яснее осознается нами как грандиозная и величественная тайна. Но там, где теряется смиренное и осторожное отношение к этой тайне, между неверующими учеными и носителями религиозного мировоззрения с необходимостью возникают серьезные этические разногласия. Это происходит из различия нравственных норм, исповедуемых религией, и подходов, принимаемых многими безрелигиозными представителями современной науки и использующими ее общественно-политическими сообществами. Церковь, обязанная возложенной на нее Богом миссией свидетельствовать истину, не может молчать, когда видит в развитии той или иной отрасли науки серьезную опасность для духовной и нравственной полноценности, для жизни и здоровья человека. Те ученые, которые, не имея веры в Бога, будучи релятивистски настроены в отношении последствий своих научных изысканий, теряют чувство ответственности, способны безоглядно разрабатывать новые технологии, реально угрожающие жизни человека как личности, человеческой семье и даже всему

человечеству. Наиболее выпукло эти риски демонстрируют биомедицинские технологии, под предлогом достижения кому-то желанного сегодня результата дерзко вторгающиеся в сокровенные тайны человеческой жизни. Новейшие так называемые «репродуктивные технологии», генная инженерия и т.п. вводят в жизнь все дальше уходящего от Бога человечества соблазны, чреватые трагическими последствиями в мировом масштабе. Как узаконенные аборты и контрацепция привели к сотням миллионов убийств еще не рожденных, но уже живых детей, к массовому распространению безответственного секса, к распаду семьи и демографическому кризису, так же «суррогатное материнство» и эксперименты с геномом человека могут привести к массовой торговле детьми, к атрофии материнского инстинкта, к появлению «из пробирки» множества монстров без рода и племени, зачатых, рожденных и выращенных без любви, без веры, без традиций, и потому неспособных верить и любить. «Попытки людей поставить себя на место Бога, по своему произволу изменяя и «улучшая» Его творение, могут принести человечеству новые тяготы и страдания. Развитие биомедицинских технологий значительно опережает осмысление возможных духовно-нравственных и социальных последствий их бесконтрольного применения, что не может не вызывать у Церкви глубокой пастырской озабоченности. Формулируя свое отношение к широко обсуждаемым в современном мире проблемам биоэтики, в первую очередь к тем из них, которые связаны с непосредственным воздействием на человека, Церковь исходит из основанных на Божественном Откровении представлений о жизни как бесценном даре Божиим, о неотъемлемой свободе и богоподобном достоинстве человеческой личности»^[1]. При рассмотрении этих проблем был, остается и даже становится все более острым вопрос о соотношении веры и научного знания, о том, возможно ли в принципе взаимопонимание и сотрудничество Церкви и ученого мира. Начавшееся с эпохи Просвещения настойчивое формирование в сознании людей уверенности в том, что религиозное и естественнонаучное мировоззрения противоположны, стало одним из главных способов вытеснения христианской веры и нравственности из жизни христианских народов. В действительности такое противопоставление является ложным, его успех базируется на дезинформации и неосведомленности вводимых в заблуждение, и поэтому насущной общей задачей является преодоление представлений о «противоречии науки и религии», которые закрепились в сознании людей на протяжении многих десятилетий господства государственного атеизма.

II. Отношение Церкви к науке в начале христианской эры и в новое время

Величайшие учителя христианской Церкви во многом считали себя учениками великих греческих мыслителей. Интересуясь наукой, они сами высказывали идеи, некоторые из которых были совершенно неожиданны для той эпохи. Например, Василий Великий говорил, что свет может существовать до того, как возникли светила^[2], а Блаженный Августин высказывал мысли о возникновении времени вместе со Вселенной^[3]. Нередко творения христианских авторов дополняли и исправляли античную натурфилософию, а христианский лицей, созданный в Константинополе при святом Патриархе Фотию, послужил образцом для европейских университетов, ставших впоследствии цитаделью новой науки. В течение примерно полутора тысяч лет в Европе формируется великая европейская цивилизация, создается непревзойденная гуманитарная культура и христианское духовное наследие, которое стремится обратить человеческие взоры к вечным ценностям. В то же время античные натурфилософские достижения казались тогда достаточными, и естественнонаучные изыскания – гораздо менее актуальными, чем борьба за чистоту христианской веры, за победу христианской государственности. Великий западный схоласт Фома Аквинский изложил христианское богословие еще языком аристотелевской метафизики. Однако эпоха схоластики явилась переходной к бурному развитию в новое время естественной науки, которое стало возможным именно в контексте христианской культуры.

На фоне грандиозного религиозного кризиса, реформатских войн и разделений начинается научная революция XVII века. В современной атеистической среде принято считать, что первые ученые – основатели новой науки (Галилей, Декарт, Ньютон и др.) – создавали ее в борьбе с церковным учением, в контексте эпохальной переориентации интеллектуальных и духовных исканий с мира идеального, божественного на мир материальный. Поэтому современная наука будто бы в принципе атеистична, и материалистическое мировоззрение, может быть, не всегда осознанно для ученого, тем не менее является основой научного познания. На самом деле первые шаги науки нового времени были связаны с борьбой научных идей Галилея, Декарта и их последователей с положениями аристотелевской физики, а не с христианским учением, которое, по их убеждению, нисколько не противоречит науке. Будучи

искренним христианином, Галилей в мыслях ранних отцов Церкви находит основу для своих научных идей. Блаженный Августин говорил о математических основаниях мира, вспоминая, что есть такое «место Писания, где сказано, что Бог все расположил мерою, числом и весом» (Прем. XI, 21)^[4], что «есть Число без числа, по Которому все образуется»^[5]. Развивая учение о «двух книгах» - Книге божественного откровения и Книге божественного творения, Галилей вслед за Августином утверждал, что «книга природы написана языком математики». Можно привести множество примеров глубоко религиозного, христианского отношения великих ученых к своему научному поиску, и, напротив, вряд ли найдутся примеры, когда ученые этого периода противопоставляют науку христианской вере. Можно ли все же говорить, что в эпоху Просвещения имел место конфликт между религиозным взглядом на мир и научным подходом, между Церковью и ученым сообществом, боровшимся за свободу научного поиска, за автономию естественнонаучного знания? Думается, что добросовестное исследование даст отрицательный ответ на этот вопрос, но необходимо отличать собственно естественную науку и ее истинных творцов от общественнополитических устремлений всевозможных «просветителей», «энциклопедистов», реформаторов, революционеров и прочих свобододолюбцев и вольнодумцев, всегда готовых бороться любыми средствами с существующим строем, властью, Церковью. Они в своем неудержимом стремлении к «прогрессу» желают все изменить, все подвергнуть ревизии, обвинить во всех грехах и бедах существующие институты (разумеется, имеющие свои недостатки). Возникающая при этом угроза дестабилизации общественной, национальной, государственной жизни вызывает охранительную реакцию и Церкви, и власти. Если «вольнодумцы» одеваются в тоги ученых и стараются использовать научные достижения в борьбе с Церковью или вообще с религией, то вполне естественно противодействие со стороны какой-либо церковной инстанции. Но по существу все это к вопросу о противоположности веры и разума, науки и религии прямого отношения не имеет. Конечно, и ученый может быть атеистом, и в XX веке таких было немало, но и это печальное обстоятельство не является достаточным доказательством тезиса о том, что наука и религиозная вера противоположны друг другу по существу. Что касается гонений на науку в XVI–XVII вв., то ни одного примера преследований ученых со стороны христианских Церквей, кроме случаев с Джордано Бруно и Галилео Галилеем, атеисты не приводят. Эти примеры тоже некорректны. Джордано Бруно был доминиканским монахом, нарушившим монашеские обеты. Отрицая христианское учение, он стал проповедовать оккультизм и заниматься магией, за что и был казнен. В своих лекциях он, в частности, развивал натурфилософские гипотезы-фантазии, связанные с моделью Коперника, но так же, как и его оккультные трактаты, они не имели никакого отношения к науке. Несколько позже Галилео Галилей, будучи уже прославленным ученым, испытал притеснения за поддержку Коперниковой системы, под давлением вынужден был «покаяться» и был отправлен в ссылку в свое имение. В это время разделение западнохристианского мира, вызванное очевидным несовершенством самих христиан и их церковных институтов, вызывает политические страсти, войны, передел государственных границ, а главное – утрату того единства во Христе, которое является одним из главных свойств Церкви. Православные могли бы сказать: «Это все случилось потому, что они – западные христиане – сами отделились от восточной Православной Церкви». Но потом и Русской Церкви пришлось пережить старообрядческий раскол. Тогда рушился полуторотысячелетний мир. Религиозные разногласия сразу стали орудием политических сил и были сполна использованы для достижения своих земных целей королями, епископами, всевозможными лидерами разных человеческих общностей, получившими возможность на гребне религиозной войны подняться еще выше по лестнице земной власти и славы. Тот же Джордано Бруно, ездивший по Европе со своими оккультными лекциями, использовал Коперниковскую гелиоцентрическую модель не ради науки, а для пропаганды своих нехристианских взглядов. Так же поступали и протестанты. В этой ситуации прискорбный инцидент с Галилеем имел причину в контрреформатской политике Римского престола, т.к. пропаганда гелиоцентрической модели Коперника ассоциировалась с реформатскими устремлениями. Прямым гонением на науку это назвать нельзя, особенно принимая во внимание, что именно научные достижения доставили Г.Галилею громкую славу и уважение не только в обществе, но и в среде церковных и светских представителей власти. Сравнивая описанные эпизоды с настоящим гонением на верующих ученых со стороны атеистов и богоборческой власти, нетрудно увидеть разницу и понять природу этих конфликтов. Достаточно вспомнить судьбу в советской России верующих в Бога основателей московской математической школы Д.Ф. Егорова, скончавшегося в тюремной больнице, и Н.Н. Лузина, буквально затравленного атеистами, Н.И. Вавилова, арестованного и замученного в тюрьме, и множество других ученых, пострадавших от большевиков, про запреты на теорию относительности в нацистской Германии и в Советском Союзе, про объявление генетики и кибернетики «буржуазными лженауками» в советском «Кратком философском словаре» и т.д. Следует отличать постоянное стремление разных политических сил использовать или задушить науку, исходящих из своих

предвзятых идей и интересов, от вопроса о природе соотношения науки и веры.

III. Причинность и законы природы

Современные ученые, отказавшиеся от веры в Бога, не могут обосновать целый ряд необходимых для существования науки предпосылок, таких как представление о причинно-следственной связи явлений или тезис о существовании законов природы. Один из крупнейших физиков-теоретиков XX в. Ричард Фейнман пишет: «Почему природа позволяет нам по наблюдениям за одной ее частью догадываться о том, что происходит повсюду? Конечно, это не научный вопрос; я не знаю, как на него правильно ответить»^[6]. Только вера в божественное происхождение законов природы дает ответ на поставленный Фейнманом вопрос. Для религиозного мировоззрения нет ничего удивительного в том, что Бог, давший миру Свои законы, может в отдельных случаях действовать вопреки им или их корректировать. Чудеса для верующего в Бога человека являются яркой иллюстрацией постоянного присутствия в этом мире Божественной творческой энергии.

Мир делает разумным и мыслимым именно вера в Бога – Первопричину всего сущего. Мир материальный представляется при этом вторичным по отношению к духовному миру. Воля личного Бога, исходящая от Него энергия творит материальный, «телесный» мир, движет им, дает ему закон существования, рождает в нем жизнь – животворит его. Любое действие Божие имеет причину в Нем Самом и воспринимается как чудо духовно незрячим человеком, привыкшим видеть причинные связи только в окружающем его материальном мире.

IV. Библия и наука

Книга Бытия, составленная примерно за 1000 лет до Рождества Христова, описывает возникновение мира «по дням творенья» в том порядке, который в общих чертах совпадает с выводами современной науки.

Тем не менее, многие считают, что повествование Библии о сотворении мира противоречит современным естественнонаучным теориям. Но несколько страниц, три тысячи лет назад рассказавших о сотворении мира, используют иной язык, чем космология, геология, археология, палеонтология, биология XX–XXI веков. Язык естественных наук требует строгости и точности, но чем точнее, научнее язык, тем короче время его жизни, тем уже круг людей, его понимающих, – в отличие от языка образов. Вспомним эти образы: «древо жизни», «древо познания добра и зла», «плоды его, приятные на вид», говорящий змей, который «был хитрее всех зверей» и т.д. Эти образы остаются понятными самым разным людям в течение тысяч лет. Даже описывая исторические события, Библия имеет главной своей целью воссоединение человека с Богом, ее главным объектом является духовный мир. Характерно: чем глубже мы пытаемся проникнуть во внутренний, духовный мир человека, тем труднее его описать и тем более формализовать это описание. Если естественные науки накапливают и систематизируют знания человека об окружающем его материальном мире, то религиозное знание обобщает опыт жизни человека в духовном мире, и потому язык библейского повествования не может быть близок языку естественных наук. Священное писание и не претендует на скрупулезность и буквалистскую точность естественнонаучного описания.

Однако научно-технический прогресс сделал в последнее столетие именно научный язык непререкаемо авторитетным. Указывая на неоправданность такого пиетета науки в вопросах веры и религиозного знания, святитель Лука (Войно-Ясенецкий) замечает: «Удивительно в этом случае наше легковерие, по какой-то иронии проявляемое нами в области науки, и наша легкая внушаемость: мы часто не в силах сбросить иго чужого мнения и власть особого внушения, которое я бы назвал гипнозом научной терминологии»^[7].

Правильное понимание Священного Писания лучше всего достигается в святоотеческой традиции искания внутреннего, сокровенного, духовного смысла написанного, что, конечно, не исключает осторожного сопоставления Священного Писания с историческим естествознанием, имеющего также достаточно древнюю традицию. Например, сопоставление событий, о которых рассказывается в Новом Завете, с историческими сведениями нисколько не мешает духовному постижению Евангелия и

V. Вера и разум

Не входя в обсуждение возможных определений веры, религии и науки, следует заметить, что современная гносеология категорично не противопоставляет веру и разум, т.к. вера может быть разумной, а не бессмысленной, с другой стороны, интеллектуальная деятельность человека всегда строится на постулатах, принимаемых на веру, на априорных понятиях, суждениях и предпосылках, взятых из опыта, религии и культуры. Никогда ни про одну из своих теорий, которые в истории сменяли друг друга, современная наука не станет утверждать, что они являются абсолютно истинными.

Христианское религиозное учение в главной своей части формулируется в форме догматического богословия, которое представляет собой логическое осмысление и систематическое упорядочение религиозного опыта, имеющего своим источником откровение. Свободно поставленный эксперимент здесь невозможен, т.к. религиозный опыт есть восприятие высшего, духовного и разумного бытия, принадлежащего иной реальности и открывающего себя по воле Божией, а не по воле человека. Но любая новая идея или решение какой-нибудь проблемы в любой науке, естественной или гуманитарной, также возникают в уме человека как откровение. Недаром и называются они «открытием», т.к. процесс всякого познания или понимания в своей основе имеет природу откровения. Истина о бытии Бога, полученная как откровение, имеет достоинство догмата и принимается на веру. Она подтверждается в повторных откровениях, но не доступна научно-экспериментальной проверке, которой подлежит всякая естественнонаучная теория. Здесь есть некоторое сходство с исторической и другими гуманитарными науками, где научный эксперимент, за исключением каких-либо исследований артефактов, также невозможен.

В естественных науках ученый свободно экспериментирует в поисках истины, но полученный в эксперименте результат с необходимостью обязывает его к тому или иному выводу. В религии открывающаяся истина принимается как догмат, но само принятие или непринятие этого откровения происходит свободно. Невозможность применения естественнонаучной методологии и обычной для нее экспериментальной проверки не является достаточным основанием для того, чтобы игнорировать духовную реальность как несуществующую, а изучение религиозного опыта считать ненаучным. Богословская наука, изучающая и систематизирующая религиозный опыт, описывает духовную жизнь человека, гуманитарная наука изучает жизнь человека в его земной истории, а естественно-математические науки изучают природный, материальный мир. Нет никаких разумных причин для того, чтобы огульно объявить религиозное знание недостоверным или знанием второго сорта. Недопустимо отрицать за историей достоинство науки из-за того, что ее методы отличаются от естественнонаучных методов. Также невозможно философию не считать наукой, потому что ее умозрительные построения не допускают строгой опытной проверки и не описывают действительность во всей ее полноте. Богословие, изучающее открывающийся человеку духовный мир, имеет свой предмет и свои методы и не может противопоставляться естественным наукам, объектом которых является мир материальный. При этом сопоставление и осмысление научных достижений и богословских воззрений не только возможно, но и желательно. Оно будет служить расширению кругозора, взаимному обогащению обеих сторон.

Несмотря на все более активную пропаганду атеистических идей, начавшуюся в эпоху революций и так называемого Просвещения, до начала XIX в. подавляющее большинство ученых были людьми верующими, да и потом великие ученые-естествоиспытатели сохраняли религиозное мировоззрение. Г.Галилей, Б.Паскаль, Р.Декарт, Р.Бойль, П.Ферма, И.Ньютон, Г.Лейбниц, К.Линней, М.В.Ломоносов, М.Фарадей, Ш.Кулон, А.Вольт, Г.Ом, Дж.Максвелл, Г.Мендель, О.Коши, Л.Эйлер, К.Гаусс, Ж.Кювье, Х.Эрстед, А.Ампер, Л.Пастер, Н.И.Лобачевский, Д.Стокс, Т.Эдисон, О.Рейнольдс, А.Бекерель, М.Планк, А.Комптон, Н.Е.Жуковский, Д.Ф.Егоров, Н.Н.Лузин, Д.Джинс, И.П.Павлов, Д.Томсон, Р.Милликен, Э.Шредингер, В.Гейзенберг, В.Паули, А.Кастлер, П.Йордан, Э.Конклин, И.Г.Петровский, Н.Н.Боголюбов, Ф.Хойл, Б.В.Раушенбах и множество других знаменитых ученых – представителей точных и естественных наук – были верующими людьми.

Рене Декарт писал: «В каком-то смысле можно сказать, что не зная Бога, нельзя иметь достоверного познания ни о чем». Английский философ и пропагандист новой науки Френсис Бэкон писал: «Поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы

людей к религии»^[8]. Луи Пастер: «Малое количество знаний удаляет от Бога, большие знания приближают к Нему». Английский физик и математик XIX века Джордж Стокс: «Я не знаю никаких здравых выводов науки, которые бы противоречили христианской религии». Лауреаты Нобелевской премии XX века: английский физик Джозеф Томсон: «...наука не враг, а помощница религии», – и американский физик Роберт Милликен: «Я не могу представить себе, как может настоящий атеист быть ученым». Макс Планк, один из основоположников квантовой механики, говорил: «...мы никогда не встретим противоречия между религией и естествознанием, а, напротив, обнаруживаем полное согласие как раз в решающих моментах. Религия и естествознание не исключают друг друга... а дополняют и обуславливают друг друга»^[9]. Поль Сабадье, французский химик, лауреат нобелевской премии: «Естественные науки и религию противопоставляют друг другу лишь люди плохо образованные как в том, так и в другом». Замечательный философ XX века С.Л. Франк свидетельствует о том же: «Между наукой в подлинном смысле, имеющей своей задачей хотя и великое, но вместе и скромное дело исследования порядка соотношений в явлениях природы, и религией как отношением человека к сверхприродным, высшим силам и началам жизни, нет и не может быть никакого противоречия»^[10].

Но в XVIII–XIX веках начинается процесс секуляризации общественного сознания. За свободу от веры, от клерикального влияния на общественное и государственное устройство боролась значительная часть культурной, интеллектуальной элиты, потерявшей или почти потерявшей веру в Бога. Молодая, бурно развивающаяся наука была прекрасным орудием для «свободолюбивой» и маловерной общности, которая была своего рода прообразом русской либеральной интеллигенции. Не наука конфликтовала с религией, а неверие боролось с верой, выдавая себя за ученого поборника науки. Если бы дело обстояло иначе, то мы могли бы назвать десятки великих ученых, разоблачавших религиозную веру с помощью доводов от науки. В действительности только отдельные ученые того времени могут быть названы атеистами, и то – не воинствующими, а равнодушными к вопросам веры.

В XX веке естественная наука все более оказывается на службе технических применений, которые используются в коммерческих, военных и политических целях. Необходимый эксперимент и оборудование становятся чрезвычайно дорогими, что ставит ученых и научные исследования в зависимость от потребителей. Вынуждаемые стремительным развитием прикладной науки ученые-естественники все чаще становятся «технарями», все меньше посвящают свою деятельность фундаментальным тайнам мироздания. Но вера в осмысленность мира, фундаментальных априорных предпосылок и самой науки является, конечно, необходимым, хотя часто и неосознанным, основанием научной и любой другой деятельности человека и присуща не только ученым, но вообще всем почти людям. Живя с такой неосознанной верой, многие, тем не менее, вовсе не думают о Боге и считают современную науку атеистичной.

VI. Атеизм – странная псевдорелигия

Итак, религии противостоит не наука, а спекулирующий на научных открытиях атеизм, который никогда не был «научным мировоззрением», за которое себя выдавал. Никогда не существовало никаких доказательств или экспериментов, подтверждающих основной тезис атеистов, что Бога нет и нет духовного мира, что все «духовное» и «душевное» являются лишь производной, «надстройкой» над единственной действительно существующей реальностью – материей. Что же касается аксиоматических предпосылок, взятых отнюдь не из опыта, а чисто теоретических, принимаемых на веру, то атеизм такие свойства разумного Бога, как вечность, безначальность, бесконечность, всеприсутствие, самодвижность и др., приписывает неживой и неразумной материи, не замечая, что этим он ее фактически обожествляет. При этом атеизм не может дать материи никакого выдерживающего элементарную критику определения и оказывается весьма странной псевдорелигией. Для разума, добра, творчества, любви в этой модели мира нет необходимых с точки зрения логики предпосылок. Каким образом из бездушной и неразумной материи может появиться жизнь, способная к саморазвитию, самосознанию, разумной, творческой деятельности, рождению себе подобных, ни объяснить, ни предложить хоть сколько-нибудь наукообразной гипотезы никто из атеистов не может. Нечего и говорить о том, что атеизм не может обосновать смысл мирового, земного и тем более человеческого существования, и, таким образом, приводит саму жизнь в противоречие с бессмысленностью всякого бытия, с беспочвенностью каких-либо нравственных категорий, побуждений и критериев. Движущей силой атеистического мировоззрения чаще всего является желание почувствовать себя свободным от

религиозных императивов, обязывающих к ответственности. Но ввести и использовать понятие «свободы» в атеизме вообще невозможно, если сохраняется убеждение в существовании причинно-следственных связей в мире. Свобода – это чисто духовное свойство, присущее разумной, творческой личности, обладающей собственной волей и принадлежащей духовному миру. Поэтому более ста лет почти все атеисты провозглашали механистический «лапласовский» детерминизм, исключая свободу личности. Любопытно, что при всей парадоксальности такого атеистического мировоззрения именно атеисты более всех «борются» за свободу, справедливость, «светлое будущее», устраивают революции, отменяют законы, как бы желая выскочить из провозглашенного ими же столь бессмысленного и безнадежного «причинного ада». Если же отказаться от всеобщего закона причинности, как это иногда пытались делать позитивисты^[11], то мы неизбежно оказываемся в не менее страшном аду – полном хаосе, где все случайно, нет ни связей, ни логики, ни какого-либо смысла. Но «предположение, что жизнь возникла посредством случайности, можно сравнить с предположением, что полноценный словарь является следствием взрыва в типографии», – замечает по этому поводу американский биолог Эдвин Конклин. К счастью, сама жизнь свидетельствует о нелепости такой гипотезы, а последствия отрицания Бога, выражающиеся в утрате каких-либо нравственных устоев, в катастрофической деградации личности и целых народов, говорят сами за себя.

VII. IGNORABIMUS^[12]

Наука, в XIX веке достигшая, казалось, ошеломляющих результатов в объяснении мироздания, открывшая и гениально сформулировавшая в математических уравнениях законы природы, по иронии судьбы и вопреки убеждениям большинства своих создателей оказалась неспособной воспротивиться атеистам, дерзко написавшим на своих знаменах: «Наука доказала, что Бога нет!» Конец XIX и начало XX века были временем, когда поверхностно образованному человеку было трудно сохранить свою веру в Бога, т.к. расцерковляющаяся псевдоученая общественность заклеила бы его как ретрограда, консерватора, отставшего от жизни, или даже – как «лакея поповщины». Народившаяся в России значительная прослойка разночинной, свободомыслящей интеллигенции была заигнотизирована идеями революции, атеистического, якобы «научного» мировоззрения. Именно со ссылкой на науку отрицались вековые устои религиозной, народной, государственной жизни.

Однако новые революционные изменения в науке XX века, связанные с созданием специальной и общей теории относительности, убедительно показали, что никакие достижения не могут обеспечить научным теориям непререкаемый авторитет, а науку вообще сделать высшей инстанцией, объявляющей абсолютную истину. Следующая из общей теории относительности космологическая «закрытая модель» ограниченной Вселенной, возникающей вместе со временем, резко противоречила установившемуся со времен энциклопедистов взгляду о вечности материи и неограниченности пространства. Квантовая механика привела к еще гораздо более глубокому пересмотру понятий, сложившихся в науке XVIII и XIX вв.

Один из создателей квантовой физики В.Гейзенберг в 1930-е годы открыл принцип неопределенности, являющийся следствием корпускулярно-волнового дуализма, а другой великий разработчик концепций квантовой механики, Нильс Бор, на их основе сформулировал принцип дополнительности, которые вскоре были обобщены в широком диапазоне философского осмысления мира, ввиду целесообразности применения этих принципов в различных науках и в разных областях человеческой жизни. Принципиально неустранимое сосуществование диалектически противоположных, взаимно-дополнительных подходов в описании тварного мира вместе с неснимаемой (для человеческого разума) неопределенностью на глубине элементарных основ бытия материи привели к выводу о невозможности решать онтологические вопросы устройства мироздания на основе естественнонаучного подхода.

Последний удар по декларируемому атеистами якобы абсолютному авторитету науки нанесла теорема Курта Геделя о неполноте аксиоматических систем, доказанная в 1930-е гг. Из нее следует принципиальная невозможность доказательства непротиворечивости принятой системы аксиом без привлечения какой-либо внешней, более широкой системы^[13], т.е. принципиальная недоказуемость абсолютной истинности любой научной теории.

На основании этих открытий наука XX века сформулировала вывод об ограниченной применимости самых основополагающих законов естествознания, о том, что попытки создать научную картину мира не

могут претендовать на абсолютную истинность и полноту.

В.Гейзенберг делает вывод: «Развитие квантовой физики показало, что существовавшие научные понятия подходят только к одной очень ограниченной области реальности, в то время как другая область, которая еще не познана, остается бесконечной. ... Наша позиция относительно таких понятий как Бог, человеческая душа, жизнь, должна отличаться от позиции XIX века, так как эти понятия принадлежат именно к естественному языку и поэтому непосредственно связаны с реальностью»^[14]. Другой знаменитый физик-теоретик XX века, также участвовавший в разработке основных принципов и методов квантовой механики, Макс Борн свидетельствовал: «Наука оставила вопрос о Боге совершенно открытым. Наука не имеет права судить об этом».

Таким образом, одним из самых великих достижений науки XX века стало убеждение, что человеческий разум и, следовательно, наука не имеют никаких оснований для отвержения Бога и религиозного познания мира^[15].

^[1] Социальная концепция Русской Православной Церкви XI.1.

^[2] *Василий Великий, свят.* Беседы на шестоднев, 6.

^[3] *Августин блаж.* О граде Божиим. М., 2000. С. 520.

^[4] *Августин, блаж.* О книге Бытия. Киев, 1912. IV, 3.

^[5] *Августин, блаж.* О книге Бытия Киев, 1912. IV, 4.

^[6] *Фейнман Р.* Характер физических законов. М., 1987. С. 158.

^[7] *Святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский.* Наука и религия. // Избранные творения. М. 2010. с.675

^[8] *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 386.

^[9] *Планк М.* Религия и естествознание // Вопросы философии. №8. 1990. С. 35.

^[10] *Франк С.Л.* Религия и наука. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1953.

^[11] *Франк Ф.* Философия науки. М. 1960

^[12] *Emil du Bois-Reymond.* Über die Grenzen des Naturerkennens, [1872](#),

Emil du Bois-Reymond. Vorträge über Philosophie und Gesellschaft, Hamburg, Meiner, [1974](#),

В переводе с лат.: Не будем знать.

^[13] Это утверждение опрокинуло надежды крупнейшего математика того времени Давида Гильберта доказать непротиворечивость главных ветвей современной математики. При доказательстве Гедель использовал тот самый математический аппарат, который разработал Д.Гильберт для достижения своей цели.

^[14] *В.Гейзенберг.* Физика и философия. М., Наука, 1989. С.126–127.

^[15] Доклад опубликован: Воробьев В, прот., Щелкачев А., священник. Вера и естественно-научное знание // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. №2(40). Москва. 2012. С.7-18.

[Религия и наука](#)

Ключевые слова:

[Наука и религия](#)

См. также:

[Г. Галилей и М.В. Ломоносов: о толковании Священного Писания](#)

[Шестоднев и наука: проблема согласования или кризис встречи? Часть 2](#)

[Шестоднев и наука: проблема согласования или кризис встречи? Часть 1](#)

[«Библейский антропоцентризм» и христианские основания взаимоотношений человека и природы](#)

[Библеистика: пределы научного знания и личной веры](#)

[Об одном из эпизодов «креационно-эволюционной» дискуссии \(Бугрова vs Вертьянов\)](#)

[Курсы повышения квалификации для преподавателей духовных школ при Общецерковной докторантуре и аспирантуре имени свв. Кирилла и Мефодия: неделя вторая, завершающая](#)

Портал [Богослов.Ru](#)

АНО "ЦИТ МДА".

Смотрите канал портала на [YouTube!](#)

Все права защищены 2007-2013. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-46659 от 22.09.2011

При копировании материалов с сайта ссылка обязательна в формате:

Источник: Портал Богослов.Ru.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция открыта к сотрудничеству и готова обсудить предложения.

